

Развитие АПК и продовольственная безопасность России (в условиях миграции населения из сельской местности)¹

Т.Г. НЕФЁДОВА, доктор географических наук, Институт географии РАН,
Москва. E-mail: trene12@yandex.ru

В статье рассматриваются процессы пространственной поляризации сельской местности России в 2000-х годах и их экономические и социальные последствия в виде проблем продовольственной безопасности страны, усиления территориального разделения труда в сельском хозяйстве, потери трудовых ресурсов, в том числе в результате отходничества сельских жителей. Выявляются принципиально различные пути развития нечерноземных и южных регионов европейской части России, пригородов крупных городов и периферии регионов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, продовольственная безопасность, агропромышленные комплексы, фермеры, трудовые ресурсы, отходничество

Современное состояние сельского хозяйства

Валовые объемы сельскохозяйственного производства в России после катастрофического падения в 1990-х годах почти достигли уровня 1990 г. (в сопоставимых ценах), однако посевные площади и поголовье крупного рогатого скота в последние годы продолжали сокращаться (рис. 1), что особенно заметно для кормовых культур, с которыми тесно связано резкое падение поголовья скота. В то же время посевы пшеницы, ставшей важным для страны источником валюты, в среднем оставались стабильными (рис. 2), а в южных районах – расширились за счет северных.

Это говорит об избирательности восстановления сельского хозяйства в 2000-е годы. Относительно успешны отдельные регионы, районы и предприятия, которые и дают прирост. Во многих

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант №14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

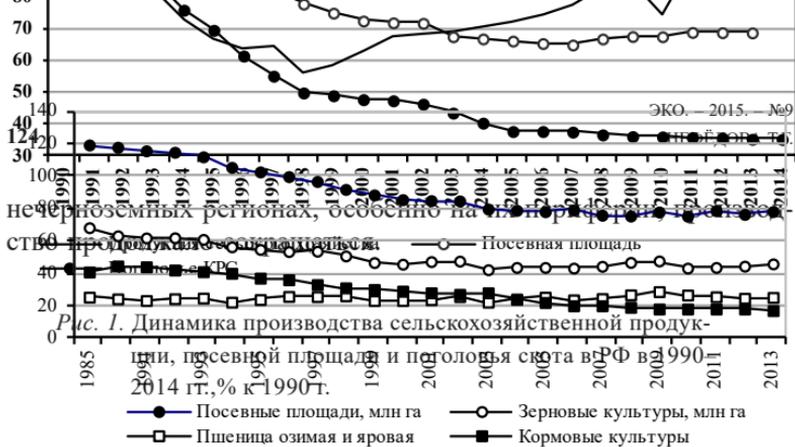

Рис. 2. Динамика посевных площадей с 1985 г. по 2013 г., тыс. га

В августе 2014 г. Россия ввела ответные санкции против западных стран, запретив импорт ключевых продуктов в Россию. Правда, санкции США и ЕС не касались непосредственно сельского хозяйства России, но они затронули крупнейшие банки; США также запретили Россельхозбанку, ВТБ, Банку Москвы, а позже и Сбербанку, Газпромбанку, Внешэкономбанку предоставлять кредиты на срок более 90, а затем и 30 дней [1]. Ответные действия России, закрывшей импорт говядины, свинины, птицы, овощей и фруктов, рыбы, молока, сыров и других молочных продуктов из стран Евросоюза, Австралии, Канады, Норвегии и США сразу спровоцировали рост цен на продовольствие. Введение эмбарго вызвало шок и в торговле, так как резко оборвались десятилетиями налаживаемые цепочки поставок. Важной задачей стало расширение сотрудничества со странами СНГ и БРИКС.

Спасал сельское хозяйство (особенно в южных районах) вывоз зерна, который удерживал рынок сельхозпродукции от обвала. Его урожай за 2014 г. составил 104 млн т (в весе после доработки). При этом зерна в последние годы собиралось не больше, чем в советское время, когда Россия зависела от его импорта (рис. 3). Но поскольку страна до сих пор не восстановила поголовье скота после кризиса 1990-х годов, кормов требуется намного меньше, чем в советское время. Осенью 2014 г. излишки зерна для экспорта оценивались в 30 млн т. Этот экспорт – основной источник валютных средств в агросекторе. Правда, правительство, опасаясь за продовольственный баланс страны, в декабре ввело временный запрет на вывоз зерна. Этот непопулярный среди аграриев шаг (многие придерживали зерно, ожидая повышения цен зимой) имел серьезные последствия. Отчасти экспортеров агропродукции «спасло» падение курса рубля. Труд тоже стал дешевле, а цены на внутреннем рынке выросли.

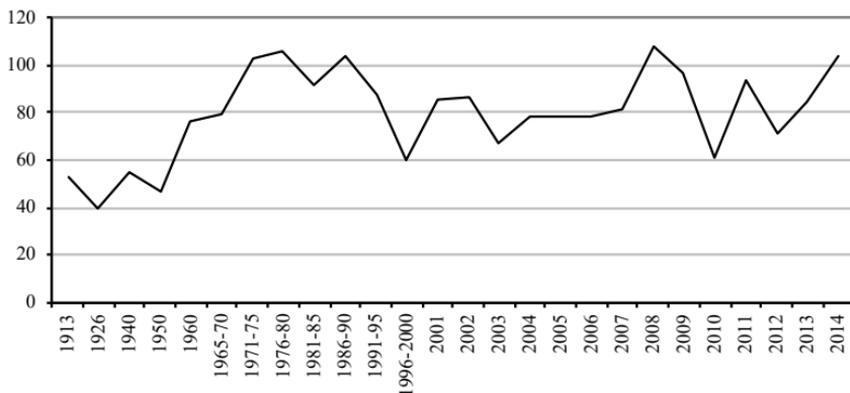

Рис. 3. Производство зерна в России
в 1913–2014 гг., млн т

Тем не менее «похудение» российского бюджета из-за падения цен на нефть и санкций, а следовательно, уменьшение возможностей господдержки сельского хозяйства, объемов продовольствия, инфляция – все это поставило население страны и ее агропромышленный комплекс в новые условия. Общий долг сельского хозяйства России банкам к концу 2014 г. составлял более 2 трлн руб., что превышает годовой валовой продукт отрасли. Этот «кассовый разрыв» требует новых кредитов, которые при повышенной и колеблющейся ставке Центробанка большинство агропредприятий отдать не смогут. Значит, возможно их банкротство и массовое закрытие.

Сможет ли огромная страна со сложными природными условиями и сильной концентрацией населения в больших городах прокормить себя в новых условиях?

Продовольственная безопасность и сельское хозяйство

Продовольственную безопасность страны можно определить как состояние ее экономики, при котором населению страны в целом и каждому ее гражданину обеспечен доступ к продуктам питания в качестве, ассортименте и объеме, необходимых для физического и социального развития личности, здоровья и воспроизводства. На национальном уровне элементами продовольственной безопасности можно считать следующие [2]: 1) надежная

физическая доступность продовольствия, 2) экономическая его доступность разным слоям населения, 3) продовольственная независимость государства по основным продуктам питания, 4) развитие сельского хозяйства и расширенное воспроизводство продуктов питания.

В менталитете россиян, при стремлении советской власти к автаркии в течение XX века, закрепилось понимание продовольственной безопасности в рамках двух последних пунктов, то есть как безопасность для государства, а не для населения [3]. Россия слишком долго зависела от импорта продовольствия, в том числе зерна и мяса.

В 2010 г. была принята новая Доктрина продовольственной безопасности России, в которой агропромышленный сектор был отнесен к числу стратегических. Главной проблемой остается животноводство (табл. 1), в особенности недостаточное производство овчины и отчасти свинины. Основным источником поставщиками в последние годы были страны ЕС, на которые приходилось соответственно 79% и 50% квот. Столь сильная зависимость (рис. 4 и 5) подрывала продовольственную безопасность государства.

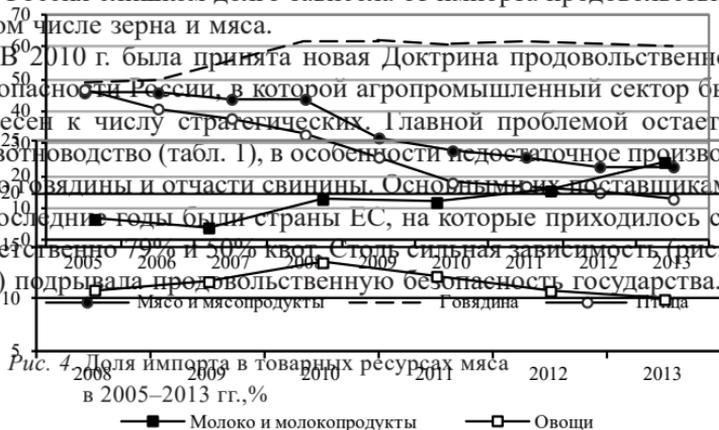

Рис. 4. Доля импорта в товарных ресурсах мяса в 2005–2013 гг., %

Рис. 5. Доля импорта в товарных ресурсах молока и овощей в 2008–2013 гг., %

Проблемы продовольственной безопасности в России для населения гораздо острее. Несмотря на улучшение в последние годы продовольственного баланса (табл. 1), по потреблению продуктов питания на душу населения страна отстает от многих западных стран. В 2000-х годах потреблялось 80% физиологической нормы мясных и молочных продуктов, 50% овощей и 60% рыбы. При этом потребление хлеба, сахара и картофеля превышало нормы на 15–30%. Около 30% всех продовольственных расходов населения шло на покупку мяса и мясопродуктов, еще 15% – на молоко и молочные продукты. Следовательно, любое повышение цен ведет к экономической недоступности ключевых продуктов, по которым в России и без того не выполняются нормы потребления.

Таблица 1. Баланс производства и потребления основных продуктов в РФ в 2010 г. и 2013 г., млн т

Год	Запасы на начало года	Производство	Ввоз	Личное потребление	Произв. потребление	Обеспеченность потребления собственным производством, %	Импорт к потреблению, %
Мясо (в убойном весе) и субпродукты							
2010	0,8	7,2	2,9	9,9	0,1	71	29
2013	0,8	8,5	2,4	10,8	0,1	77	23
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)							
2010	1,9	31,8	8,1	35,2	4,3	80	20
2013	2,0	30,7	9,4	35,8	3,8	77	23

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России / Стат. сб. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2011; 2014.

Таким образом, вопрос «Сможет ли потребление продовольствия населением вписаться в новые условия антисанкций и импортозамещения?» сводится к поиску способов достижения экономической доступности продовольствия для разных слоев населения. А вопрос «Сможет ли агрокомплекс России использовать возможности импортозамещения?» сводится к анализу его современных институтов и тесно связан с двумя другими: «В каких районах наиболее перспективно развитие сельского хозяйства?» и «Как это сказывается на сельской местности?».

Многоукладность сельского хозяйства

Специфика сельского хозяйства современной России – его многоукладность и расслоение производителей на крупных (чаще в рамках агрохолдингов) и множество мелких хозяйств при сокращении среднего звена предприятий² (табл. 2, рис. 6). Хотя доля мелких хозяйств населения и уменьшается, но остается высокой для страны, где 74% населения живет в городах. Если учесть, что торговые сети и крупные перерабатывающие предприятия

² К сожалению, современная статистика не разделяет отдельные предприятия (сельскохозяйственные кооперативы, АО и т.п. на месте бывших колхозов) и агрохолдинги, объединяющие десятки предприятий, помещая всех в графу «сельскохозяйственные организации».

не работают с мелкими хозяйствами, а структуры сбыта их продукции, в том числе оптовые рынки, не развиты, то получается разрыв: сельским жителям некуда девать свою продукцию, кроме натурального потребления и снабжения городских родственников и дачников, а жители городов оказываются зависимыми от импорта продовольствия.

Таблица 2. Доля разных укладов в производстве в 1990 г., 2000 г. и 2013 г., %

Рис. 6. поголовье крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях, у фермеров и в хозяйствах населения в 1940–2013 гг., млн голов

Вклад фермеров в 2000-х годах увеличивался. Но они реже занимаются животноводством, так как оно убыточно (за исключением южных и восточных республик, где оно сохраняется в фермерских и личных подсобных хозяйствах как отрасль традиционного уклада). Зато участие фермерских хозяйств в производстве зерна, подсолнечника, а в последние годы – и овощей становится все заметнее.

Однако главной тенденцией последнего десятилетия стала не диверсификация, а укрупнение собственности и усиление агрохолдингов, дающих более 50% продукции сельскохозяйственных организаций. В условиях несбалансированности институциональных реформ, недостаточной государственной поддержки сельского хозяйства и неумения колхозов приспособиться к новой ситуации потребовалась концентрация капитала для уменьшения рисков, улучшения организации производства и совершенствования управления. В 2000-х годах крупный капитал, чаще из Москвы, Санкт-Петербурга и других центров стал вкладываться

в сельское хозяйство, что стимулировалось относительно быстрой отдачей вложений в растениеводстве и отчасти в птицеводстве и свиноводстве, необходимостью стандартизации продукции, конкуренции с импортом.

Спецификой России стало формирование вертикальных структур «от поля до прилавка» не «снизу», от агропроизводителей, а «сверху», от переработчиков сельскохозяйственного сырья или финансовых и торговых структур, которые приобретали сельскохозяйственные предприятия. Обозначается тенденция «выращивания» холдингов и «снизу», но не от ассоциаций фермеров, как на Западе, а на базе бывшего колхоза или совхоза. Если находился инвестор, он часто организовывал и переработку с новейшими технологиями, скупал соседние колхозы, формировал собственные бренды и торговую логистику.

Холдинги сумели обеспечить стабильные поставки продукции на внутренний рынок. Будучи более диверсифицированными, чем отдельные предприятия, они оказались устойчивыми к колебаниям конъюнктуры рынков, что продемонстрировал зерновой кризис 2010 г., когда разорились многие экспортеры зерна, не имевшие других источников дохода. Однако агрохолдинги, спасая сельское хозяйство, усиливают его поляризацию, отбирая наиболее удобно расположенные хозяйства на лучших землях. Многие предприятия, не включенные в вертикальные структуры, не выдерживают конкуренции с агрохолдингами, происходит все более явное вытеснение среднего слоя предприятий, особенно в районах с большой долей участия агрохолдингов.

Однако тот факт, что тон в производстве задали крупнейшие производители, помог в 2000-х годах относительно быстро вывести сельское хозяйство из коллапса. Поддержка городским бизнесом многих хозяйств привела к существенной, хотя и «точечной», модернизации производства, заметному повышению его продуктивности. Например, надой молока от одной коровы выросли в России с 2783 кг до 5001 кг в год. Некоторые регионы (Татарстан, Белгородская область) за счет поддержки агрохолдингов стали крупнейшими производителями молока и мяса [4]. Например, доля Белгородской области с 1990 г. увеличилась с 2% до 12% за счет производства на крупных предприятиях мяса свиней и птицы.

В целом степень концентрации отрасли очень высока: 10 из 83 регионов России производят около 40% всей продукции мяса и молока в стране, а если не считать мелкие хозяйства на-

селения – то более 50% мяса (табл. 3). В основном это южные регионы и территории вокруг крупных городов.

Таблица 3. Регионы-лидеры по производству мяса и молока в 2013 г., тыс. т

Регион	Производство скота и птицы на убой в живом весе		Регион	Производство молока	
	в с/х организациях	во всех категориях хозяйств		в с/х организациях	во всех категориях хозяйств
Белгородская обл.	1467,1	1503,2	Респ. Татарстан	1069,1	1721,6
Челябинская обл.	349,2	421,2	Краснодарский кр.	905,9	1318,6
Респ. Татарстан	338,8	477,2	Респ. Башкортостан	652,2	1711,8
Ленинградская обл.	338,7	345,6	Московская обл.	592,9	642,4
Краснодарский кр.	316,3	461,8	Алтайский кр.	570,2	1364,0
Московская обл.	270,4	288,0	Удмуртская Респ.	564,3	712,5
Ставропольский кр.	253,3	380,4	Ленинградская обл.	518,5	554,0
Курская обл.	247,3	290,2	Нижегородская обл.	484,5	611,8
Воронежская обл.	231,9	372,2	Свердловская обл.	484,5	609,4
Липецкая обл.	228,3	260,0	Новосибирская обл.	479,9	655,6
10 регионов-лидеров, %	52	41	10 регионов-лидеров, %	40	36
20 регионов-лидеров, %	66	62	20 регионов-лидеров, %	63	56

Источник: рассчитано по: Регионы России. Федеральная служба государственной статистики, 2014.

Усиление концентрации приводит и к тому, что некоторые агропромышленные компании, в конце концов, приобретаются глобальными монстрами, как это произошло с холдингами «Вимм-Билль-Данн» и «Юнимилк», от которых зависит значительная часть российского молочного рынка. Такая концентрация усиливает экологические проблемы утилизация отходов, недостаточно строгого соблюдения севооборотов и т. п. При неразвитости малого бизнеса возникают и социальные проблемы, связанные с сокращением занятости на механизированных комплексах и ростом безработицы, особенно в крупных южных селах.

Эксперты Торгово-промышленной палаты прогнозируют снижение роста инвестиций в сегменты рынка с быстрой отдачей и доходностью (свиноводство, птицеводство, выращивание

сахарной свеклы и риса), в которых работают агрохолдинги, из-за насыщения внутреннего рынка [5]. Однако в условиях России массовое снабжение крупных городов продовольствием в ближайшее время все равно останется за крупными предприятиями. Ниша мелких хозяйств – снабжение сельской местности, малых городов и производство уникальной и дорогой продукции для состоятельного населения крупных городов.

Социально-экономические контрасты сельского пространства России

И рост, и упадок сельского хозяйства в такой большой стране, как Россия, имеют четкое географическое измерение. Относительно благоприятные условия для сельского хозяйства по сумме температур и увлажнению наблюдаются лишь на 14% территории страны – в южных районах [6]. Там же – основной ареал распространения черноземных почв.

Но главным фактором успешности сельского хозяйства стал человеческий капитал. Сельское население, несмотря на положительный естественный прирост, убывало почти весь XX век, во второй его половине – исключительно за счет миграций в растущие города. Максимальной его численность в современных границах России была в 1926 г. – 76 млн чел. В 1950 г. она уменьшилась до 58 млн чел., в 2014 г. – до 37 млн [7]. Максимум потерь наблюдался в полосе староосвоенных районов вокруг Московской агломерации. Отъезд наиболее активного и молодого населения (при неравенстве возможностей самореализации и условий жизни в больших городах и в сельской местности) привел к такому феномену, как отрицательный социальный отбор в деревне. Особенно это характерно для регионов Нечерноземья, которые потеряли более 50% и даже до 2/3 сельского населения, а их удаленные периферийные районы – до 80–90%. После кратковременного увеличения населения в первой половине 1990-х годов за счет административных преобразований поселков городского типа в села и притока населения из бывших советских республик отрицательная динамика восстановилась, теперь уже из-за естественной убыли, а с 2000 г. усилились и миграции в города. Наиболее работоспособное сельское население сохранилось в южных, поволжских и крупногородских районах.

В Нечерноземье 70% всех сельских населенных пунктов (а в некоторых регионах – более 80%) составляют деревни с населением менее 100 чел., из которых подавляющее большинство – пенсио-

неры и нетрудоспособное население в трудоспособном возрасте. Дисперсное расселение и огромные расстояния существенно увеличивают затраты на обслуживание территории (дорожное строительство, транспортное обслуживание, инфраструктуру, образование, здравоохранение). Денег в региональных бюджетах не хватает, что еще сильнее «выталкивает» в города население на постоянное место жительства или на заработки. Сельскохозяйственные предприятия в таких районах чаще находятся в упадке или закрылись, фермеров немного, оставшееся население выживает с помощью личного подсобного хозяйства и родственников в городе; коров в деревнях осталось крайне мало.

Иная ситуация – на юге России, в некоторых поволжских республиках, где не было столь сильной депопуляции. Их доля в производстве продовольствия возросла. В южные районы активнее шли инвестиции, здесь много агрохолдингов, фермерских хозяйств, причем довольно крупных, площадью 2–10 тыс. га, но остались и колхозы. Здесь активнее мелкие товарные хозяйства населения, у которого все еще сохраняется скот. В результате произошло нормальное для рыночных условий территориальное разделение труда: затянутое далеко на север в советское время сельское хозяйство сдвинулось в районы с лучшими природными условиями, сохранившие человеческий капитал, заметно повысив свою продуктивность.

На систему расселения, плотность сельского населения и организацию сельского хозяйства, помимо природных условий, очень сильное влияние оказывают большие города, которые не только поглощали население, но и концентрировали вокруг себя наиболее активных сельских жителей. Пригородно-периферийные различия для обширной страны со сравнительно разреженной сетью больших городов служат ключевым параметром организации ее сельского социально-экономического пространства [8, 9]. Различия в плотности сельского населения между пригородами нечерноземных регионов и периферийными районами достигают 8–10 раз (на юге – 2–3 раза) и сформировались задолго до постсоветских перемен.

В южных и пригородных районах не только выше плотность сельского населения, в них крупнее села, моложе население. Сюда шли инвестиции из городов, здесь находятся основные базы снабжения городских пищевых предприятий. И даже жилищная и дачная экспансии не могут вытеснить из пригородов крупных центров сельскохозяйственных предприятий и подразделения агрохолдингов. Они отодвигаются на окраины Московской области

и других пригородных зон, так как в удаленных сельских районах зачастую нет необходимых человеческих и инфраструктурных ресурсов для развития. Отдельные подразделения агрохолдингов закрепляются и на периферии, однако они формируют локальные очаги развития на фоне упадка деятельности на значительной территории. На европейской староосвоенной лесной территории сформировалась обширная внутренняя периферия, откуда бежит население не только деревень, но и малых городов. Сельское хозяйство в них заменяется лесным хозяйством, сбором грибов и ягод и рекреацией дачников из крупных городов [6]. В ареалах относительно компактного проживания отдельных этносов, в том числе в республиках, динамика сельского расселения и изменения в сельском хозяйстве специфичны. Эти сельские сообщества еще не разрушены в такой же мере, как в ареалах расселения русских в Нечерноземье.

В результате на этапе выхода сельского хозяйства из кризиса усилилась поляризация социально-экономического пространства страны, население и хозяйственная деятельность стягивались в наиболее благоприятные по совокупности условий ареалы, имеющие потенциал развития. Одновременно пустели значительные территории, забрасывались сельскохозяйственные угодья, разрушались здания и инфраструктура, местность постепенно превращалась в социальную пустыню.

Усиление мобильности сельского населения

Отходничество сельских жителей на заработки в города и пригороды стало социальным ответом населения на поляризацию социально-экономического пространства.

Население можно разделить на три группы. Одни впали в состояние застойной безработицы, другие пытаются совмещать формальную занятость на убыточных предприятиях с минимальными и нерегулярными зарплатами с отдельными приработками, в том числе подрабатывая у дачников, собирая грибы и ягоды. Наиболее активная и трудоспособная часть сельского населения ищет через знакомых временную работу в крупных городах. Доля таких отходников (по нашим обследованиям регионов Нечерноземья) колебалась от 5% до 30% трудоспособного населения. Основные места притяжения отходников, например, из Костромской области – Москва и Подмоскowie (50%), хотя едут и в соседний Ярославль, и в Санкт-Петербург. Есть и ближний отход в местные районные центры на рабочие дни с проживанием в общежитии или на съемных квартирах и возвращением домой

к семьям в деревни на выходные. Интересно, что дальний отход характерен не для периферии области, где серьезные проблемы с сельскохозяйственными предприятиями, но осталось мало активного населения, а для пригорода [10].

В областях, примыкающих к Московской – например, в Тульской, ориентация на столичный регион еще выше. В ближайших к Московской области районах каждый третий работает в столичном регионе. В территориях между Москвой и Санкт-Петербургом от 10% до 30% экономически активного населения ездят работать в столичные регионы [11]. Причем население Новгородской области ориентировано на северную столицу и ее пригород, а Тверской области – на Московский столичный регион. Масштабы отходничества связаны не только с отсутствием рабочих мест, но и с сильной дифференциацией заработной платы за ту же работу в пригородах и на периферии (рис. 7).

В постсоветские годы отраслевые и региональные различия в оплате труда в целом усилились. Особенно заметно отстали зарплаты в сельском хозяйстве. В 1980-е годы они сравнивались со среднероссийскими, в начале 1990-х не достигали и до 15%, а сейчас составляют около 50% среднероссийского уровня [12]. Хотя в

постсоветский период за пределами крупных городов не хватало товаров, уровень заработка позволял регулярно ездить за ними из сельской местности в крупные центры, особенно в Москву. Многоцелевые поездки в мегаполисы усилили социокультурное разнообразие в жизни провинциалов. Теперь центры нужны им не для того, чтобы тратить, а чтобы зарабатывать, к нему и прибегает самая активная часть сельского общества. Концентрация в центрах рабочих мест с более высокой зарплатой превращает в мощные полюса притяжения, даже если в селах есть вакантные места. Это «выкачивает» остатки трудоспособного населения.

Рис. 7. Средняя зарплата в районах и городах вдоль магистрали Санкт-Петербург–Москва в 2011 г., тыс. руб. в месяц

Если в дореволюционное время основными местами отходничества были нечерноземные регионы, то сейчас зоны выхода трудовых мигрантов значительно расширились, охватив и южные регионы, прежде привлекавшие отходников на сельскохозяйственные работы. На первый взгляд это кажется парадоксальным. На юге лучше сохранился человеческий капитал, поскольку не было длительной депопуляции. Здесь имеются сельскохо-

зяйственные предприятия с высокой продуктивностью земель. Заброшенных полей в Черноземье, особенно в его западной части, почти нет. Большой интерес к агропромышленному комплексу проявляют инвесторы и мелкие предприниматели, здесь много фермеров. Тем не менее проблемы занятости сильно обострились, особенно в сельской местности с ее слабыми сервисными функциями и отсутствием других «местообразующих» производств, кроме сельскохозяйственного. Это усилило временный отток населения на заработки.

Например, уровень официальной безработицы в Ставропольском крае низок – 1,3%, при расчетах по методике Международной организации труда он достигает 5,1%. Согласно балансу трудовых ресурсов Министерства труда и социальной защиты населения края³, доля неформальной занятости составляет в среднем 24%. При этом если из всех трудовых ресурсов вычесть формально и неформально занятых, студентов, льготников (многие из которых также работают), остается «зазор» в 280 тыс. чел. Значительная часть этого незанятого населения, по мнению специалистов края, работает на отходе.

По данным обследования населения по проблемам занятости в 2013 г., 36% отходников из Ставропольского края едет в Москву и Московскую область, 22% – в Краснодарский край, во всех случаях с периодичностью в несколько недель. Из привлекательных регионов можно выделить Тюменскую область с нефтяными округами (12%) и Ростовскую (5%). Ежедневные обмены трудовыми ресурсами характерны для соседних республик, доля таких маятниковых трудовых мигрантов в среднем по краю – около 9%.

Официальная занятость сельского населения оказалась ниже в относительно благополучных сельскохозяйственных районах на западе и юго-западе Ставропольского края – там, где лучше сохранилась колхозная система с расширением производства зерновых культур и доминирует русское население, а также в некоторых центральных районах. Это связано с несколькими причинами.

На западе крупнее села и станицы (от 1,5 до 10–15 тыс. чел.) с моноаграрной специализацией и неразвитой сферой услуг. Переориентация крупных агропредприятий на производство выгодного зерна (доля зерновых культур в посевной площади многих

³ В трудовые ресурсы включались население в трудоспособном возрасте, работающие пенсионеры и подростки и иностранные рабочие по региональной квоте.

районов увеличилась с 50% до 70–80%) привела к уменьшению кормовых угодий и свертыванию малорентабельного молочного животноводства, которое сохранилось в незначительном числе предприятий и у населения. Поскольку животноводство наиболее трудозатратно, эти перемены вызвали резкое сокращение занятости даже в успешных сельскохозяйственных районах. Фермеры здесь также занимаются преимущественно растениеводством, и им требуется минимум работников. Модернизация хозяйств, покупка новой техники со сложным управлением уменьшила их потребность в работниках, ограничив ее небольшим числом квалифицированных механизаторов и чернорабочих с минимальной зарплатой. Агрохолдинги, даже если кроме растениеводства занимаются птицеводством или свиноводством в современных модернизированных комплексах, также следуют этим тенденциям.

Все это выявило сильную перенаселенность южного села. Важны были и психологические факторы. Несмотря на то, что человеческий капитал здесь сохранен лучше, чем в Нечерноземье, населению крупных сел и станиц, привыкшему к наемному труду в благополучных колхозах, было труднее освоить предпринимательство, особенно в современных условиях получения кредитов, при постоянных проверках и борьбе за землю в условиях коррупционной составляющей. Более легким выходом стал переход к самообеспечению и отход на заработки.

Факторы, стимулирующие трудовую пространственную мобильность населения, зависят от макроэкономических и институциональных изменений общества, стадии урбанизации, на которой находятся в данное время страна и ее регионы, и, наконец, от географически дифференцированных социальных и экономических предпосылок и ограничений развития регионов и отдельных районов. Люди по собственной инициативе временно покидают с недельным, месячным, полугодовым ритмом свои дома и семьи ради заработков в крупных центрах и агломерациях.

Отход крестьян на заработки, особенно в зимний период, был весьма распространен в России и в XIX – начале XX веков [13]. По данным А. А. Рыбникова, в 1906–1910 гг. отхожие промыслы в Московской губернии и соседних с ней уездах практиковала пятая часть крестьян [14].

Длительный отход в виде нефтяных вахт практиковался и в советское время, продолжают они и поныне. Однако диапазон занятий существенно расширился. Большая часть отходников, занятых у предпринимателей и в организациях, связана с торговлей, услугами, транспортом, промышленностью, здравоохранением.

ранением. У населения городов и пригородов отходники чаще неофициально заняты в сферах услуг – строительстве и ремонте (64%), на транспорте и пр. [15].

Помимо длительного относительно дальнего отхода существуют и переходные формы, например, работа в течение суток с тремя выходными, отход на рабочие дни недели с выходными дома и т. п. Обычно такой ближний «полуотход» характерен для окраин агломераций и для областей, примыкающих к Московской (северные районы Тульской области). Кроме того, такие формы отхода практикуются и в глубинке с плохим состоянием дорог и отсутствием регулярного транспорта (например, на периферии Костромской области).

Месячный, недельный ритм труда или режим сутки на трое формирует особый тип личности отходников [16]. Зарабатывая в городе, они часто дома ведут личное хозяйство, в свободное время подрабатывают у дачников и, как правило, отличаются от своих соседей более высоким уровнем благосостояния [17]. Но к ежедневному наемному труду, особенно в сельском хозяйстве, им психологически вернуться трудно. Поэтому даже при появлении рабочих мест отходники – обычно уже потерянная для сельского хозяйства когорта. Сами они часто придумывают массу отговорок, чтобы не возвращаться к наемному сельскохозяйственному труду, в том числе сильно завышая требования к зарплате в местах проживания.

Агропромышленная и социальная политика

Итак, вопрос о перспективах развития сельского хозяйства в новых условиях надо ставить следующим образом: «В каких районах есть для этого необходимые природные, человеческие и инфраструктурные ресурсы и что для их оптимального использования с учетом современных бюджетных проблем можно сделать?». В периферийных районах Нечерноземья сельское хозяйство уже полуживое или неживое, но и там есть филиалы отдельных агрохолдингов и точечно – успешные предприятия. Роль личности руководителя в сложных институциональных и экономических условиях приобрела ключевое значение. Однако длительное истощение человеческого капитала и переориентация оставшейся трудоспособной части населения на периодическую работу в городах ограничивает возможности даже энтузиастов – закрепить работников в сельском хозяйстве довольно сложно. Лучше ситуация с трудовыми ресурсами в Московской и Ленинградской областях (где активно используются и иностранные рабочие), в пригородах

Ярославля, Вологды и других региональных столиц, в Татарстане и Башкортостане, где велика господдержка агросектора и сохранился трудовой потенциал на селе. В южных районах ситуация намного лучше, есть «подушка безопасности» в виде рентабельного производства зерна, подсолнечника, рапса, птицеводства и свиноводства. Однако колебания погоды, особенно на юго-востоке, изменение цен на зерновом рынке и прочие институциональные и конъюнктурные факторы делают их уязвимыми.

Но есть и общие для страны новые вызовы. Заявления правительства о быстром импортозамещении вряд ли выполнимы. Ведь сельское хозяйство, особенно животноводство, селекционное хозяйство, очень инерционны. Где взять семена, породистый скот, технику и оборудование? Все это не было восстановлено в 2000-х годах. Сельскому хозяйству в 2006–2013 гг. помогли Национальный проект развития АПК, а также серия общих и отраслевых программ. Но это коснулось, в основном, агрохолдингов и наиболее успешных предприятий, которые смогли обновить поголовье скота, купить технику, модернизировать производство. Именно они сейчас сильнее испытывают последствия санкций и макроэкономических изменений в стране в связи с перекредитованностью многих крупных производителей. Вместе с падением спроса на дорожающую продукцию это может привести к череде банкротств. Особенно кредитоемки молочные фермы, окупаемость которых растягивается на 8–10 лет. Ведь оборудование нужно поддерживать, ремонтировать, требуются импортные детали и т. п.

С другой стороны, ограничение импорта продовольствия, особенно при девальвации рубля, может стимулировать собственное производство, как это было после 1998 г. Но тогда еще не было столь изношено оборудование, имелись свободные мощности. Сейчас большая часть предприятий вне агрохолдингов работают с такой старой техникой, которая без инвестиционных кредитов исключает быстрые изменения. Тем более это касается мелкого бизнеса. К тому же в новых условиях снизилась эффективность сложившейся формы поддержки государства в виде субсидирования процентной ставки по кредитам, а в региональных бюджетах денег не хватает. В 2012 г. была запущена новая программа поддержки семейных фермерских хозяйств (на 20 и более голов крупного рогатого скота). Но таких хозяйств немного, и концентрируются они в регионах, сохранивших трудовой потенциал (в Татарстане, в Белгородской области и других южных районах).

Требует решения и давно наболевшая институциональная проблема сбыта продукции всех российских производителей – от крупных предприятий до фермеров и товарных хозяйств населения. Зачастую продукция пропадает (особенно много фруктов, овощей, молока), но не может пробиться на рынки крупных городов и в магазины, которым удобнее работать с большими партиями товара, в том числе импорта. Давно говорят и о необходимости стимулирования кооперации мелких производителей. Однако срочный поиск новых поставщиков за рубежом еще раз доказывает то, что правительству легче заменить импортеров, чем налаживать логистику в своей стране. Особенно это касается импорта из Беларуси и Казахстана, с которым из-за низких цен российским производителям конкурировать трудно.

Но главное, к чему уже много лет призывают все сельскохозяйственные производители – это неизменность правил игры на внутреннем рынке. Даже в относительно спокойные предыдущие годы постоянные изменения без согласования с бизнесом и общественностью создавали невыносимые условия для предпринимателей. И это на фоне тотального недоверия власти к своим гражданам, постоянных проверок с коррупционной составляющей, высоких налогов и сложной отчетности. Долгосрочные кредиты для малого и среднего бизнеса были практически недоступны.

Современный горизонт производителя очень узок. Запрет на импорт продовольствия из ЕС и США могут отменить в любой момент, и производители не рассматривают его как условие для инвестиций. В такой обстановке должны быть созданы стабильно благоприятные условия, включая резкое снижение налогов и административного давления для всех производителей – от крупных до мелких. Для последних – особенно, так как люди уже не раз показывали в сложных условиях удивительную адаптивность и умение обеспечить продуктами себя и свое окружение.

Продовольственная безопасность и импортозамещение должны достигаться с учетом экономической доступности продовольствия для разных слоев населения. Главным становится поиск баланса между собственным производством и импортом, а также между крупным производством и мелким бизнесом. В кризисные периоды всегда повышается роль мелких производителей. Поэтому ключевыми становятся всякие преференции малому бизнесу и организация логистики сбыта их продукции в города.

Последние годы показали, что не только кризис предприятий и упадок производства, но и его организационно-технологическая модернизация ведут к резкому сокращению занятости. Поэтому

факторы выталкивания населения из сельской местности усилились как в депрессивных, так и в успешных сельскохозяйственных районах. Это привело к повышению роли отходничества из сельской местности наиболее трудоспособной части населения. Трудовые миграции часто представляют собой половинчатый переезд в город, который для многих семей завершается окончательным, а дом в деревне или малом городе используется в качестве дачи. Это усиливает урбанизацию и рост крупных городов.

Для многих нечерноземных районов, особенно на периферии областей, восстановление трудового потенциала и сельского хозяйства мало реально. Решение проблем занятости в южных регионах с сохранившимся человеческим капиталом лежит в сфере стимулирования на федеральном и региональном уровнях развития малого бизнеса в сельской местности, в том числе и сельскохозяйственного. А также – среднего бизнеса в виде сельской индустриализации в крупных селах (создание предприятий агропромышленного комплекса, легкой промышленности, стройматериалов и т. п.), в том числе для легализации неформальной занятости и возвращения отходников.

Литература

1. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1055587?page=2> (дата обращения: 26.01.2015).
2. Нефёдова Т.Г. Проблемы продовольственной безопасности и модернизация сельского хозяйства России // География мирового развития / ред. Л.М. Синцова, 2010. – Вып. 2. – С. 423–442.
3. Арская Л.П. Продовольствие и социальные отношения. – М.: Московский общественный научный фонд, Институт социологии РАН, 2007.
4. Нефёдова Т.Г. Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 64–83.
5. Макроэкономика против аграриев. Обзор экономики, подготовленный С. Тюриным // ТПП-Информ. 23.12.2014, URL: http://agroday.ru/analytics/makroekonomika_protiv_agrariyev/ (дата обращения: 26.01.2015).
6. Нефёдова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: URSS, 2013. Доп. изд. 2014. – С. 452.
7. Демографический ежегодник. – М.: Госкомстат России, ФСГС РФ, 1995; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2014.
8. Нефёдова Т.Г. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН, серия География. – 2012. – № 3. – С. 7–23.
9. Nefedova T.G. Major Trends for Changes in the Socioeconomic Space of Rural Russia // Regional Research of Russia. – 2012. – Vol. 2. – № 1. – P. 41–54.
10. Нефёдова Т.Г. Отходничество в системе миграций в современной России. Предпосылки. География // Демоскоп-Weekly. – 2015. – № 641–642 и 643–644.

4–17 мая и 18–31 мая. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php>; URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0643/tema01.php> (дата обращения: 5.06.2015).

11. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / ред. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. – М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. – С. 230.

12. Сельское хозяйство в России. – М: Госкомстат России, 1998; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Стат. сб. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013.

13. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1, 2. – С.-Пб.: ДББ, 1999.

14. Рыбников А.А. Перенаселение и борьба с ним // Хрестоматии «Экономическая география» / Под ред. Н.Н. Баранского. Т. 2. СССР. – М.: Издательство комм. ун-та им. Я.М. Свердлова. – М. 1929,

15. Опросы населения по проблемам занятости, 2014. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения: 20.01.2015).

16. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. – М.: Новый хронограф, 2013. – 373 с.

17. Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. – 2015. – Т. 24. – № 1. – С. 35–71.

